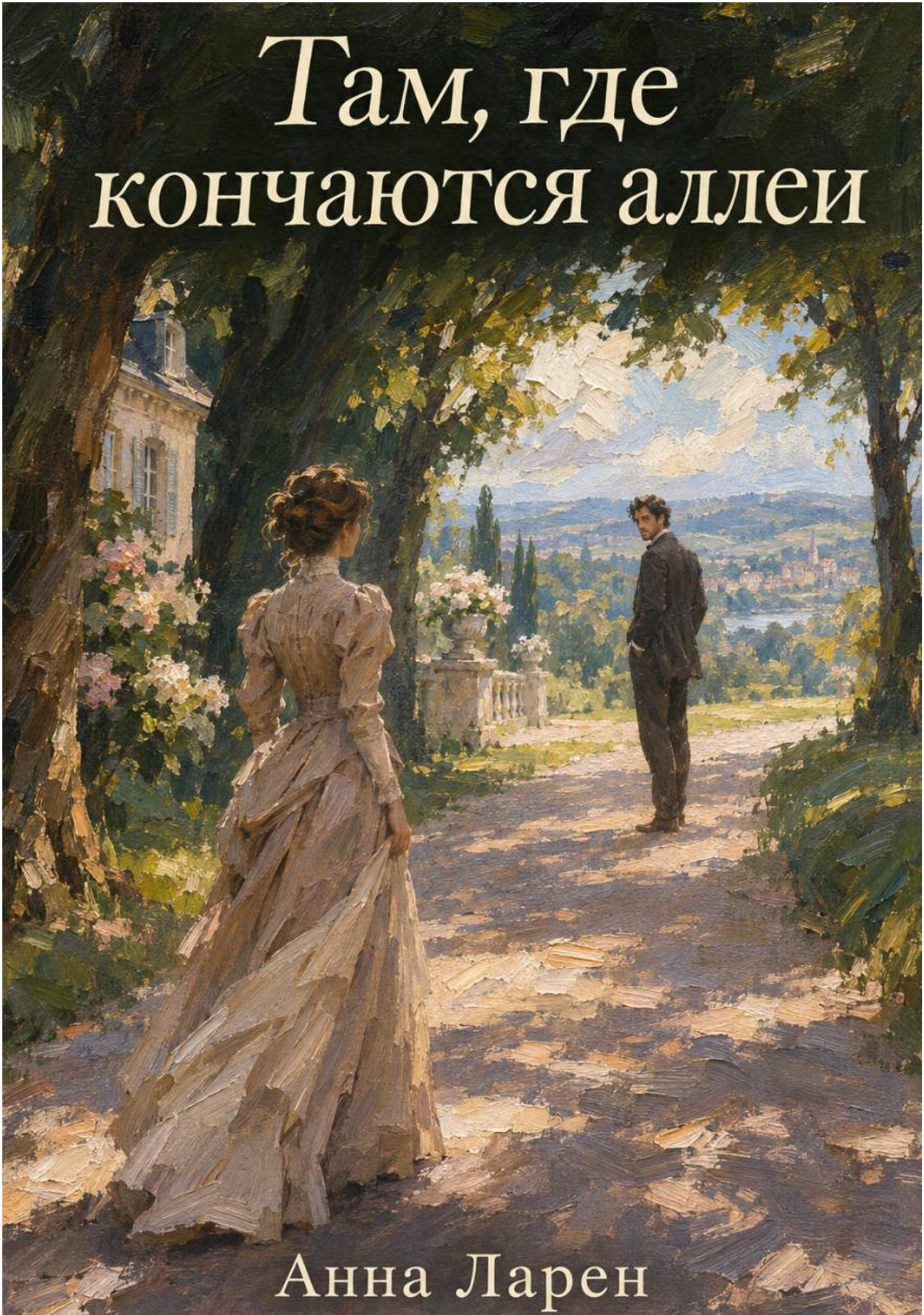

Там, где кончаются аллеи
Анна Ларен

Анна Ларен

Там, где кончаются аллеи

«Автор»
2026

Ларен А.

Там, где кончаются аллеи / А. Ларен — «Автор», 2026

Франция, конец XIX века. Молодой архитектор садов Адриен Морель приезжает в богатое поместье и встречает Клер - робкую девушку, привыкшую подчиняться отцу. Их осторожное сближение обрывается жестоким унижением, которое оба запомнят надолго.Через пять лет они случайно встречаются на Ривьере. Теперь Клер - состоятельная вдова, а Адриен добился признания. Но за безупречной вежливостью всё ещё скрываются обида, неловкость и невысказанная нежность.Совместная поездка в итальянские горы должна была стать приятным путешествием. Непогода превращает её в опасное испытание. Среди размытых троп, холода и страха за чужую жизнь Клер и Адриену предстоит заново научиться доверять друг другу - и решиться на счастье, которое когда-то казалось невозможным.

© Ларен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая 5
Турень, май 1887 года 5
Глава 1. Новый сад 6
Глава 2. Размеры 14
Глава 3. Старые места 16
Глава 4. Сроки 19
Глава 5. Открытый проход 22
Глава 6. Четыре ириса 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Анна Ларен
Там, где кончаются аллеи

Часть первая

Турень, май 1887 года

Глава 1. Новый сад

Человек у боковой калитки был слишком молод, чтобы оказаться тем, кого ждали к одиннадцати.

Клер отложила карандаш и наклонилась ближе к окну. Внизу Леру разговаривал с незнакомцем в тёмном пиджаке. Тот держал под мышкой плоскую кожаную папку, а в свободной руке – шляпу. Леру показывал куда-то вдоль стены. Незнакомец посмотрел в указанную сторону, задал вопрос и, выслушав ответ, ненадолго присел возле водостока.

Это движение окончательно убедило Клер, что она ошиблась.

Отец говорил о человеке, которому предстояло переделать сад. Такой человек должен был быть пожилым, немного полным и непременно носить под мышкой множество чертежей, плохо свёрнутых и норовящих выскользнуть. Папка у незнакомца была слишком аккуратной. В остальном он и вовсе не подходил.

– Ты уже видела месье Мореля? – спросила мать.

Клер обернулась.

Маргерит Дюваль вошла с письмом в руке. На ней было светлое платье, которое Клер помнила ещё по прошлому лету; широкая складка на плече лежала теперь иначе, и дочь никак не могла понять, что именно портниха в нём переменила.

– Это он?

Мать подошла к окну.

Внизу незнакомец поднялся и отряхнул пальцы. Леру что-то сказал ему, и оба коротко засмеялись.

– По крайней мере, Рено велел проводить к отцу именно его.

Клер посмотрела ещё раз.

– Я думала, он старше.

– Отчего?

– Не знаю. Папа говорил, что он уже работал в нескольких больших имениях.

– Вероятно, там охотно пускают и молодых людей.

Клер почувствовала, что мать улыбается, и поспешила вернуться к столу. На бумаге лежала ветка сирени. Утром цветы ещё держались крепко, а теперь несколько мелких венчиков осыпалось возле стакана.

– Леру показывает ему старый сад?

– Думаю, прежде всего показывает, что придётся исправлять. Твой отец хочет успеть к сентябрю.

Мать взяла лежавшую на краю стола кисть, посмотрела на кончик и положила обратно.

– Он просил нас спуститься. Если месье Морель останется до завтрака, нужно будет прибавить прибор.

Клер посмотрела на рукав. Возле манжеты темнело небольшое пятно.

– Я сейчас.

– И не три его водой. В прошлый раз стало только заметнее.

Мать сказала это так буднично, что Клер невольно улыбнулась.

Когда дверь закрылась, она всё же успела ещё раз подойти к окну.

У калитки уже никого не было.

Огюст Дюваль принимал гостя в кабинете с открытыми окнами. На широком столе лежали бумаги, прижатые бронзовой фигуркой лошади. Клер любила эту лошадь в детстве и

однажды сломала у неё тонкий повод. Отец никогда не напоминал об этом, однако с тех пор она предпочитала ничего не трогать на его столе.

При появлении женщин месье Морель встал.

Теперь Клер увидела, что он и в самом деле очень молод. Тёмные волосы были аккуратно причёсаны, но возле виска одна прядь уже выбилась; лицо немного загорело, и от этого белый воротник казался особенно светлым. Он поклонился матери, затем ей.

– Моя жена. Моя дочь, – представил отец. – Месье Адриен Морель. Верне очень хвалит его работу.

– Он слишком добр ко мне, – ответил гость.

– Надеюсь, у него есть основания.

Отец произнёс это с обычной своей полуулыбкой. Люди, мало его знавшие, почти всегда улыбались в ответ. Клер знала, что он ждёт не улыбки.

Месье Морель слегка склонил голову.

– Я постараюсь оправдать рекомендацию.

Мать спросила, удобно ли он доехал.

– Благодарю вас, мадам. Совершенно удобно.

– Рено говорил, вы прибыли ещё утром.

– Мне хотелось увидеть нижний участок до встречи с месье Дювалем. После вчерашнего дождя хорошо заметно, где задерживается вода. Леру любезно согласился показать мне дорожки.

Отец указал на стул.

– Мы как раз обсуждали сроки. Месье Морель полагает, что прежде посадок потребуется немало земляных работ.

– Не везде, – уточнил гость, садясь только после женщин. – Возле дома достаточно изменить очертания некоторых цветников. Но у нижней стены нужно будет заняться отводом воды. Иначе новые посадки долго не продержатся.

Клер устроилась рядом с матерью. Ей казалось, что сад, по которому она ходила каждый день, сейчас пересказывают на незнакомом языке. Она знала там липы, скамью у стены и место, где после дождя не следовало ступать на третью плиту. Месье Морель говорил об уклоне, нижнем участке и глубине почвы. Всё это относилось к тому же самому саду.

– До сих пор растения как-то держались, – заметил отец.

– Старые деревья приспособились. С молодыми будет труднее.

Он объяснял спокойно, без поспешности. Клер ожидала, что после каждого возражения он станет смотреть на рекомендательное письмо, лежавшее у отца возле локтя. Но гость словно забыл о нём.

– Покажите, что вы предлагаете, – сказал Огюст.

Месье Морель раскрыл папку.

Чертежей оказалось всего несколько. Клер почему-то испытала от этого удовлетворение, будто её несостоятельное представление о толстом старике следовало опровергнуть до конца.

Отец встал. Мать тоже приблизилась к столу; Клер осталась на месте, пока он сам не обернулся:

– Ты ведь хотела посмотреть новый сад.

Она поднялась слишком быстро и задела юбкой ножку стула. Тот чуть сдвинулся по паркету. Клер показалось, что звук вышел неприлично громким, но никто не посмотрел на неё.

На верхнем листе была изображена часть Бельваля. Клер сразу узнала дом и длинную стену, хотя на бумаге они выглядели чище, правильнее и гораздо менее обжитыми. В углу чертежа стояли мелкие цифры.

– Это предварительная схема, – сказал Морель. – Сегодня мне нужно проверить размеры и несколько условий на месте. Леру уже указал две неточности.

Он говорил о неточностях совершенно свободно. Клер посмотрела на него с новым интересом. Ей самой признание в ошибке всегда стоило больших усилий, особенно в этом кабинете.

Отец провёл пальцем по листу.

– Аллея останется здесь?

– Если вы хотите открытый вид на дом, можно немного изменить её направление. Но я предложил бы сохранить старые каштаны.

– Они закрывают фасад.

– С этой стороны – да. Зато дают хорошую тень террасе. При другом повороте дорожки дом будет открываться постепенно, между деревьями.

Огюст некоторое время рассматривал схему.

– Я хотел бы видеть оба решения.

– Разумеется.

Клер поискала на чертеже сирень, которую утром рисовала. Куст рос возле поворота старой дорожки; в первое лето она спрятала за ним обломанный прут, которым пыталась достать грушу с соседнего дерева. В Бельвале они жили только третий год, но у Клер уже были свои места, и она не очень хорошо представляла, как можно будет ходить здесь иначе.

На листе было слишком много маленьких кружков. Она не сумела понять, какой из них обозначает нужный куст.

– Вы что-то ищете, мадемуазель?

Клер подняла голову. Месье Морель смотрел на неё.

Отец повернулся следом.

– Нет, я только… Здесь старый поворот?

Она указала, не решаясь коснуться бумаги.

– Да.

– Тогда вот это, должно быть, сирень?

– Вероятно. Я ещё не отметил каждый куст.

– Клер дорожит всеми растениями, возле которых нельзя пройти, не зацепив платье, – сказал отец.

Мать улыбнулась.

Клер почувствовала, как нагрелись щёки.

– Я хотела понять, где она находится, – произнесла она тише, чем собиралась.

– После осмотра я смогу обозначить точнее, – ответил Морель.

Он не стал ни защищать куст, ни шутить вслед за отцом. Просто ответил на её вопрос, и Клер сумела снова посмотреть на чертёж.

К полудню они вышли в сад.

Мать несла закрытый зонтик. Клер шла рядом с ней, стараясь не отставать и одновременно не наступать на край платья. После вчерашнего дождя гравий кое-где сбился к бордюру; на листьях ещё держалась влага, хотя солнце уже припекало.

Отец и месье Морель остановились возле террасы.

Огюст показывал в сторону нижней стены. Ему хотелось устроить там широкую лужайку и цветники, которые были бы видны из гостиной. Месье Морель слушал, иногда задавал вопрос и делал пометки в небольшой книжке.

Клер наблюдала за его руками. Он держал карандаш довольно низко и писал быстро. На среднем пальце возле ногтя остался серый след; должно быть, испачкал его, раскладывая чертежи. Ей стало немного легче вспомнить о собственном рукаве.

– Отсюда сыро почти до июня, – сказал Леру.

Он ждал их у нижней дорожки, сняв старую шляпу. Прежде Клер редко слышала, чтобы он разговаривал с отцом так долго. Обычно ограничивался ответами о цветах для дома и просил решить что-нибудь, чего нельзя было решить самому.

– А возле стены? – спросил Морель.

– Просыхает скорее. Если солнце бывает.

– Здесь вода приходит сверху или собирается после дождя?

Леру начал объяснять, куда уходит старая канава. Отец выслушал часть разговора, затем вынул часы.

– Рено ждёт меня к половине первого. Вы пока посмотрите с Леру. Мы ещё вернёмся к срокам за завтраком.

Он обратился к жене:

– Не стойте на сырой земле.

– Мы пройдём по дорожке.

Огюст кивнул и направился к дому.

Клер невольно выпрямилась свободнее. Она заметила это собственное движение и тут же почувствовала досаду: отец не запрещал ей ни смотреть, ни говорить. Ей следовало бы давно перестать вести себя так, будто каждое слово нужно готовить заранее.

Морель присел и взял немного земли с края цветника. Размял пальцами, посмотрел на нижнюю сторону листьев у бордюра.

– Здесь прежде тоже сажали розы?

– Пытались, – ответил Леру. – С той стороны лучше идут.

– Месье Дюваль хочет именно розы? – спросила мать.

– Пока мы обсуждали цветники в целом.

– Он видел один сад у знакомых и с тех пор уверен, что все цветы должны цвести одновременно.

Леру опустил голову.

Клер отвернулась, пряча улыбку.

Морель поднялся.

– Я постараюсь предложить ему несколько сроков цветения. Это удобнее и для сада.

Он сказал это серьёзно, но в голосе было что-то такое, что мать посмотрела на него внимательнее.

– У вас, вероятно, немало трудных заказчиков.

– Обычно им просто хочется заранее знать, что получится.

– Моему мужу непременно хочется знать.

– В некоторых пределах это возможно.

Маргерит засмеялась.

Клер посмотрела на гостя. Пока он отвечал матери, его лицо стало живее. Из кабинета она вынесла впечатление о человеке очень учтивом и немного строгом. Теперь ей показалось, что он способен смеяться довольно легко, если не обязан сначала объяснять, почему молодое дерево не может выглядеть как старое.

Они дошли до липовой аллеи.

С этой стороны дорожку покрывали широкие плиты. Леру остановился, чтобы обойти разошедшийся шов, а мать задержалась возле куста, который никак не могла вспомнить по названию.

Морель сделал шаг к третьей плите.

– Осторожнее, – сказала Клер.

Он остановился.

– Она качается. Особенно после дождя.

Он посмотрел под ноги и проверил камень носком ботинка. Из щели выступила вода.

– Благодарю вас.

Клер кивнула.

– Если идти с другой стороны, почти не заметно. Но потом можно намочить обе ноги.

– Вы проверяли?

Она не сразу поняла, смеётся ли он.

– Однажды.

– Тогда вы знаете больше, чем видно при первом осмотре.

Он сделал запись.

Клер посмотрела на его книжку и вдруг почувствовала удовольствие. Её предостережение превратилось в такую же пометку, как всё, о чём говорили Леру и отец.

Мать наконец вспомнила название куста и позвала садовника. Тот подошёл, выслушал её и осторожно поправил.

Клер остановилась у скамьи. Под липами всегда было прохладнее; здесь пахло влажной корой и прошлогодними листьями, которые Леру не позволял выгребать слишком рано.

– Вы часто бываете в этой части сада? – спросил Морель.

– Почти каждый день.

– И зимой?

– Если можно пройти.

– В таком случае дорожке придётся уделить больше внимания.

Он говорил, глядя на плиты. Клер решилась спросить:

– Вы всегда начинаете с того, где сыро?

Морель обернулся к ней. На этот раз она сразу заметила улыбку.

– Только если боюсь оставить заказчика без цветов.

Ей стало неловко.

– Простите. Я не хотела сказать…

– Вы спросили совершенно правильно. Это не самая занимательная часть работы.

– Но важная.

– Очень.

– Я думала, вы прежде всего рисуете.

– Я тоже так думал, когда начинал учиться.

Клер улыбнулась. Разговор вдруг сделался простым. Не нужно было ни подбирать достойный вопрос, ни притворяться, что она уже знает ответ.

– А вам нравится эта часть? Про воду и землю?

Он немного подумал, словно действительно проверял, нравится ли.

– Когда удаётся разобраться – да. Особенно если сначала всё кажется устроенным совершенно нелепо. Потом замечаешь причину, и можно что-то сделать.

Клер посмотрела на тёмный шов между плитами.

– Вы поэтому присели возле водостока, когда приехали?

Он поднял на неё глаза.

Лишь теперь она услышала собственные слова.

– Я была наверху, – поспешно пояснила Клер. – Наши окна выходят сюда. То есть не все. Окна маленькой гостиной.

Она замолчала.

Морель ответил после короткой паузы, в которой ей хотелось успеть исчезнуть за липой:

– Леру показывал мне, где стена остаётся влажной.

– Да, разумеется.

Она стала поправлять край перчатки, хотя он не требовал поправки.

Мать позвала их. Месье Морель первым отошёл от скамьи, оставляя Клер возможность вернуться к ней, не продолжая неловкого объяснения. За это она испытала неожиданную благодарность.

К завтраку он остался.

Отец расспрашивал о его прежней работе. Выяснилось, что Морелю двадцать четыре года и что он несколько лет занимался посадками и чертежами у месье Верне, прежде чем тот посоветовал ему принимать собственные заказы.

– Смелый совет, – заметил Огюст.

– Я тоже не сразу ему последовал.

– Но всё же последовали.

– Да, месье.

Мать спросила, не трудно ли покидать привычное место. Он ответил, что труднее было понять, когда уже можно уйти. Огюст одобрительно кивнул и заговорил о людях, слишком долго довольствующихся небольшим жалованьем.

Клер слушала, стараясь не показывать, насколько внимательно. Ей нравилось, что Морель не превращал каждый ответ в рассказ о своих достоинствах. Иногда он соглашался с отцом, иногда уточнял что-нибудь. На вопрос о работе в одном из имений ответил, что занимался там только частью сада.

– Всё остальное делал Верне, – сказал он. – Мне не следует присваивать его заслуги.

– Хорошо, что вы это понимаете, – отозвался Огюст.

Клер опустила взгляд на тарелку.

За столом стояли цветы из оранжереи. Один стебель слишком близко наклонился к канделябру, и всё время хотелось его отодвинуть. Отец не любил, когда во время завтрака переставляли вещи, поэтому Клер только следила, чтобы мать не задела лепестки рукавом.

– Клер у нас тоже рисует растения, – сказала Маргерит.

Дочь поспешно подняла голову.

– Мама…

– Разве ты не рисуешь?

– Это совсем другое.

– Несомненно. Я и не предлагаю месье Морелю взять тебя в помощницы.

Отец улыбнулся.

– Тебе пока хватает работы с собственными кистями.

Клер почувствовала знакомое желание поскорее согласиться и перевести разговор. Она слишком хорошо знала, как это делается: нужно улыбнуться, сказать что-нибудь незначительное, и все забудут, что речь шла о ней.

– Вы рисуете с натуры? – спросил Морель.

Он обратился к ней так же, как прежде спрашивал Леру о старой канаве: спокойно ожидая ответа.

– Стараюсь.

– Цветы?

– И листья. Иногда одни листья. Они дольше не вянут.

Он улыбнулся.

– Это хорошее преимущество.

– Но хуже помещаются на бумаге, – добавила она и сразу пожалела, что сказала так глупо.

– Особенно если выбрать ветку, а не отдельный лист.

Клер посмотрела на него.

– Да. Я всё время начинаю слишком близко к краю.

– Я иногда делаю то же самое с планом. Тогда приходится приклеивать полосу бумаги.

Она засмеялась прежде, чем успела подумать, уместно ли это. Смех получился тихим, но Клер сама удивилась тому, как легко он вырвался.

Отец попросил передать ему хлеб.

Она подала корзинку и больше не заговорила до конца завтрака.

После Мореля остались папка в кабинете и несколько слов, которые Клер почему-то помнила лучше прочего.

Он не уехал: ему предстояло ещё поработать с Леру и проверить размеры. Но в доме стало так тихо, словно гость уже покинул Бельваль.

Мать сняла перчатки и положила их на стол маленькой гостиной.

– Приятный молодой человек, – сказала она. – И, по-видимому, знает своё дело. Твой отец доволен.

Клер подошла к своему рисунку.

Сирень успела осыпаться ещё сильнее. На светлой бумаге лежали три маленьких цветка, а в стакане вода стала тёплой.

– Ты всё-таки разочарована, что он молод?

– Нет, мама.

– Когда ты увидела его у калитки, у тебя был совершенно растерянный вид.

Клер взяла карандаш.

– Просто я представляла его иначе.

Мать посмотрела на неё и не стала расспрашивать. Подвинула письмо ближе к свету, развернула второй лист. Через минуту ей понадобилось уточнить, какого числа они обещали приехать к знакомым, и Клер охотно принялась искать записную книжку.

Пока мать писала ответ, она вернулась к рисунку.

Ветка и в самом деле не помещалась. Утром Клер долго пыталась уместить последний лист, уменьшала его, стирала, наконец оставила так, хотя видела, что получилось неверно.

Она вытащила из папки чистый лист.

Начать заново было бы разумнее. Но прежде Клер достала ножницы и отрезала узкую полосу бумаги.

Мать подняла голову на звук.

– Что ты делаешь?

– Мне немного не хватило места.

Она поднесла полосу к рисунку. Стыка почти не было видно, если смотреть прямо.

Из сада донёсся голос Леру. Клер замерла, прислушиваясь. Ему ответили, но отсюда нельзя было разобрать слов.

Она заставила себя снова посмотреть на бумагу и положила ладонь поверх незаконченного листа.

Клей стоял в нижнем ящике. Нужно было только достать его.

Глава 2. Размеры

Вечером Адриен обнаружил, что не записал ширину верхней площадки.

Остальные размеры были на месте. Он помнил даже, как Леру придерживал конец ленты возле каменного бортика, а сам отступал, стараясь не задеть ногой молодую поросль. Должно быть, тогда кто-то заговорил с ним. Адриен перебрал в памяти короткий разговор, с неприятной лёгкостью восстановил голос мадемуазель Дюваль и закрыл книжку.

До сих пор ему не случалось забывать размер из-за разговора о листьях.

Он снял пиджак и повесил на спинку стула. В комнате над булочной пахло остывающим хлебом. Мадам Перрен принесла лампу, сообщила, что горячая вода будет утром, и спросила, надолго ли он намерен остаться.

– Пока не знаю.

– Мне нужно предупредить прачку.

Он пообещал решить завтра. Хозяйка посмотрела на разложенные бумаги и ушла, прикрыв дверь носком туфли: обе руки у неё были заняты пустым подносом.

Адриен сел за стол. На ночь здесь приходилось освобождать место для чертежей: убирать кувшин на пол, книжку – на кровать, передвигать лампу так, чтобы не задеть её локтем. В Бельвале из-за недостатка места, вероятно, никто ещё не приклеивал к плану дополнительную полосу.

Ему вспомнился смех девушки.

Она рассмеялась очень тихо, почти испугавшись собственного звука. Прежде Адриен успел решить, что дочь Дюваля просто воспитана не разговаривать с посторонними. Но на дорожке она задавала вопросы без той осторожной скуки, с которой иногда расспрашивали о работе из учтивости. Ей в самом деле было интересно, почему в одном месте нельзя посадить то же, что в другом.

Ничего удивительного. В чужой семье могут читать книги и любить сад. Из этого не следует ничего, что стоило бы вспоминать после окончания рабочего дня.

Адриен вытащил чистый лист.

Ему предстояло подготовить две схемы. В первой каштаны сохранялись, во второй приходилось убрать три дерева. Огюст Дюваль хотел свободного вида на дом. Довод был понятен: фасад недавно отремонтировали, камень очистили, балюстраду заменили. Владелец желал, чтобы всё это видели.

Адриену тоже хотелось, чтобы его работу видели.

Признаться в этом себе было неприятно после того, как он мысленно успел осудить чужое тщеславие. Он надеялся на Бельваль именно потому, что к сентябрю сюда съедутся люди, способные заказать ещё один сад. В рекомендательном письме Верне не было ни преувеличения, ни обещания, что молодой человек уже умеет всё. Несколько строк открывали дверь, за которой предстояло отвечать самому.

Мать хранила копию письма в ящике вместе с семейными бумагами. Адриен просил не показывать её соседкам, но знал, что показывает.

После смерти отца она почти два года жила с младшей дочерью в Блуа. Деньги, которые Адриен посылал, называла ненужной заботой и тут же подробно рассказывала, на что их употребила. Ему нравились эти подробности: новая обувь для сестры, починка печной трубы, кусок ткани. Благодаря им собственная работа приобретала размер и вес, которых не было у отцовских разговоров о будущем.

Он написал матери короткую записку: заказчик, по-видимому, настроен серьёзно; сад большой; жить пока будет в деревне. Хотел добавить, что хозяин приглашал его к завтраку, но зачеркнул строку прежде, чем закончил.

Наутро он вернулся в Бельваль с измерительной лентой.

Леру ждал его у хозяйственного входа.

– С верхней площадки начнём? – спросил садовник.

Адриен посмотрел на него.

– Вчера забыли?

– Не записал.

Леру кивнул с таким видом, словно эта разница не имела значения.

Они измерили площадку, затем пошли к нижней стене. В одном месте земля проседала под ногой. Леру отодвинул палкой прошлогодние листья и показал углубление.

– Старая труба. После зимы забилась. Здесь все знают и обходят.

– Нужно оградить, прежде чем начнут работать.

– Оградим.

– И проход к липам пока оставить с другой стороны.

Леру посмотрел на него внимательнее.

– Здесь мадемуазель ходит.

Адриен, нагнувшийся над землёй, задержал руку.

– Тем более.

Он услышал, как прозвучал ответ, и добавил, что вообще не следует рассчитывать на память каждого человека, который выйдет в сад.

Леру не возразил. За долгую службу он, вероятно, научился не удивляться слишком обстоятельным объяснениям.

К полудню к ним пришёл Рено. Управляющий хотел уточнить, сколько людей понадобится и кто будет отвечать за их работу. Адриен объяснил, что сначала нужно согласовать проект и порядок земляных работ; ежедневный надзор возьмёт на себя Леру, а он будет приезжать для осмотра и разметки. Нельзя копать сразу везде, где по схеме проходят линии.

Рено записал.

– Хозяин рассчитывает на быстрое начало.

– Я тоже. Но мне нужны сведения о старом отводе воды.

– Что именно?

Адриен развернул книжку. Ему нравились такие разговоры: в них можно было назвать необходимое и получить ответ. Не требовалось угадывать, когда учтивость превращается в приглашение, а приглашение – в напоминание о своём месте.

Из-за угла показались мадам Дюваль и её дочь.

Клер несла небольшую папку. Увидев мужчин, она замедлила шаг и опустила её ниже, к юбке. Адриену пришло в голову, что она, вероятно, собиралась рисовать, а теперь не хочет показывать.

Он поклонился обеим.

– Вы опять начинаете с того, где сыро? – спросила мать.

– Сегодня заканчиваем, мадам.

Клер улыбнулась.

Он не должен был отвечать ей отдельно. Достаточно было поклониться, вернуться к разговору с Рено и дать женщинам пройти. Адриен именно так и сделал.

Но, когда они отошли, он ещё некоторое время помнил маленькую папку в её руке и то, с какой быстротой она спрятала её за складкой платья.

Ему хотелось сказать, что рисунок вовсе не обязательно должен быть хорошим, чтобы его можно было показать. Он не имел права решать, что ей нужно услышать это от него.

Адриен открыл книжку на новой странице и попросил Рено повторить последнее число.

Глава 3. Старые места

Через неделю Клер уже различала дни, когда месье Морель приезжал в Бельваль.

Прежде она определяла их по другим признакам. По вторникам привозили почту из города, по четвергам мать принимала знакомых, в субботу Леру срезал цветы для больших ваз. Теперь к этим достоверным обстоятельствам прибавился тёмный пиджак, который иногда мелькал между липами.

Она не подходила к окну специально. Просто поднималась за книгой, которой не было внизу, или вспоминала о незаконченном рисунке.

Однажды мать, не отрываясь от письма, сказала:

– Он сегодня не приедет. Рено говорил за завтраком.

Клер нашла на полке нужный том и долго не могла решить, должна ли поблагодарить за известие.

Ей нравилось думать, что интерес к саду объясняет всё. Сад действительно менялся. Рабочие расчистили старый отвод, сложили возле стены плоские камни, натянули верёвки между колышками. Леру показывал, где будет дорожка. На прежних местах открывались вещи, о которых Клер не подозревала: край старого бассейна под дёрном, ступень, скрытая плющом, сломанный керамический желоб.

Она рисовала ступень, когда мать позвала её в маленькую гостиную.

За столом сидели Огюст и Морель. На этот раз оба чертежа лежали рядом.

– Покажи ей разницу, – сказал отец жене. – Мне говорят, что второй вариант обойдётся дороже, хотя деревьев в нём меньше.

– Потребуется перенести больше земли, – объяснил Адриен.

Клер осталась возле двери.

Она уже видела оба решения. В первом липовая аллея соединялась с новым садом изгибом, которого теперь не существовало. Во втором дорожка шла прямее, и дом словно выступал вперёд. Ей нравился первый. Она не стала говорить, потому что отец рассматривал второй с заметным удовольствием.

Маргерит долго смотрела на листы.

– Летом на этой террасе будет жарко, – сказала она наконец.

– Можно поставить маркизу.

– И смотреть из-под неё на то место, где раньше была тень?

Огюст нахмурился. Морель занимался карандашом и не вмешивался. Клер поняла, что мать заметила это так же, как она.

Решение отложили до вечера. Отец уехал в город, а гость остался разбирать с Рено порядок расходов.

После обеда Клер спустилась за книгой, которую накануне оставила у окна. Морель стоял у стола один. Папка была раскрыта, но он не смотрел на бумаги: осторожно распрямлял угол листа, намокший от стакана.

– Мама пролила воду, – сказала Клер, не найдя другого приветствия.

Он обернулся.

– Она предупредила. Схема не пострадала.

– Я всё равно могу сказать, чтобы вам принесли другую бумагу.

– Благодарю вас. Здесь достаточно просушить.

Клер взяла книгу. Ей следовало уйти, но он посмотрел на обложку.

– Вы читаете по-итальянски?

– Немного.

Это было неправдой. Итальянским с ней занимались восемь лет, и мадам Розетти называла её способной. В гостиной произнести это казалось гораздо труднее, чем дома у учительницы перевести целую страницу.

– Здесь описаны сады возле озёр, – добавила Клер. – Рисунки плохие, но некоторые места, должно быть, очень красивы.

Морель не потянулся за книгой. Подождал, пока она сама раскроет нужную страницу и положит рядом с чертежом.

– Вы там бывали? – спросил он.

– Нет. Только в Париже и один раз у моря. Папа не любит долгих поездок без необходимости.

Она поняла, что пожаловалась, и поспешила поправиться:

– Ему трудно оставлять дела.

– Вероятно.

Он рассматривал гравюру. На ней лестница спускалась между двумя стенами к тёмному пятну воды. Клер долго пыталась представить, как выглядит такое место, если двигаться по ступеням, а не смотреть сверху.

– Мне кажется, на рисунке неясно, куда ведёт нижняя дорожка, – сказала она.

– Здесь её, возможно, сделали только ради вида.

– То есть она никуда не ведёт?

– Может вести. Но если художник хотел показать террасу, он мог изменить остальное.

Клер подумала об этом с некоторым огорчением. Ей хотелось верить рисунку.

– Вы бы сразу заметили?

– Не обязательно. Я сначала тоже посмотрел бы на лестницу.

Он улыбнулся ей, и она вдруг сумела спросить то, что действительно занимало:

– А вы любите смотреть чужие сады, если не нужно ничего переделывать?

– Очень.

– Я думала, вы непременно замечаете недостатки.

– Замечаю. Но иногда можно просто пройти по хорошей дорожке и порадоваться, что её придумал другой человек.

Это было похоже на то, что она чувствовала, рассматривая хороший рисунок. Клер сказала об этом. Морель кивнул и рассказал о маленьком саде, который видел в Лионе: там почти ничего не росло, кроме одной старой груши и травы, зато со скамьи было слышно реку.

Она слушала, не думая о следующей реплике. Ей захотелось увидеть этот сад, спросить, кто там живёт, как далеко слышна вода. Он отвечал охотно, хотя всякий раз, когда шаги раздавались в коридоре, немного отступал от стола.

Вернулась мать.

Клер вдруг заметила, как близко стояла к его чертежам. Щека вспыхнула. Она поспешно взяла книгу, задев край листа.

Морель придержал его.

– Простите, – сказала она.

– Ничего страшного.

Маргерит осведомилась, всё ли в порядке с рисунком, затем попросила дочь помочь разобрать письма. Клер повиновалась, села напротив и несколько минут видела одни лишь пустые строчки.

Позже мать сказала:

– У месье Мореля приятная манера разговаривать. Но ему здесь нужно работать.

Клер не подняла головы.

– Я только показала книгу.

– Я видела.

В голосе матери не было недовольства. От этого Клер стало ещё неловче: ей показалось, что всё ясно всем, кроме неё самой.

Вечером отец выбрал первый проект. Он объяснил, что сохранять старые деревья выгоднее, если это не мешает общему замыслу.

Клер обрадовалась так сильно, что сама испугалась. Она любила каштаны. В этом не было ничего, чего следовало стыдиться.

Перед сном она раскрыла итальянскую книгу и написала карандашом возле гравюры: «Нижняя дорожка может быть изменена художником».

Потом долго смотрела на запись.

Ей не нужно было записывать. Она и без того помнила каждое слово.

Глава 4. Сроки

К началу июня Адриен научился не поворачивать головы всякий раз, когда возле дома открывалась дверь.

Это было полезное приобретение. В Бельвале открывали много дверей, и за большинством появлялись люди, которым требовалось обсудить совсем не то, о чём ему хотелось думать.

Леру сообщил, что каменщик задерживается на другом заказе. Рено принёс исправленную смету. Огюст потребовал представить порядок работ так, чтобы к приезду гостей возле главной террасы не осталось ни земли, ни досок.

Адриен объяснил, какие посадки смогут выглядеть законченными в первый сезон, а какие потребуют времени. Заказчик выслушал и спросил:

– Вы заранее готовите меня к разочарованию?

– Я хотел бы избежать обещаний, которых не сумею исполнить.

– Осторожность хороша до заключения договора.

Адриен посмотрел на лежавший между ними лист.

Подпись Огюста была широкая, с длинным нажимом на последней букве. Собственную подпись он вдруг увидел слишком мелкой.

Ему хотелось ответить, что после заключения договора осторожность нужна ещё больше. Но он ограничился точными сроками. Не следовало принимать всякое раздражение хозяина за оскорбление. Люди имели право спрашивать, на что уходят их деньги.

Тем не менее после разговора он ещё долго писал медленнее обычного.

За последние недели он привык к Бельвалю. Знал, где найти Леру, в какой час Рено становился разговорчивее, какие решения можно принять на месте, а за какими следует идти в дом. Он не привык только к тому, что всякое появление Клер меняло вес происходящего.

Она спрашивала мало. Иногда только здоровалась. Иногда, услышав разговор о каком-нибудь растении, задерживалась и слушала, не подходя ближе. Её мать всегда находилась неподалёку.

Адриен не сомневался в необходимости этой предусмотрительности. Если бы у него была дочь восемнадцати лет, он тоже, вероятно, не позволил бы ей проводить время с незнакомым молодым человеком. Мысль была разумной и раздражала его с неожиданной силой.

Он не делал ничего неприличного.

И всё-таки каждый раз заранее замечал место, где могло бы состояться их следующее короткое свидание, хотя словом «свидание» не позволял себе его назвать.

Однажды Клер принесла Леру рисунок растения, название которого не могла найти. Садовник позвал Мореля.

Адриен посмотрел и узнал не столько цветок, сколько белую полоску бумаги, приклеенную сбоку.

– Вы спасли лист, – сказал он.

Клер поняла сразу. На лице её мелькнуло удовольствие.

– Пришлось.

Она держала рисунок за два угла. Работа была аккуратная, немного робкая; листьям не хватало различий, зато девушка очень точно передала поворот стебля. Адриен почувствовал желание похвалить всё и принудил себя сказать правду.

– Вот здесь хорошо видно, как он растёт.

– А остальное плохо?

– Я этого не сказал.

– Но вы смотрели дольше.

Он поднял глаза. Клер улыбалась, хотя ещё не совсем смело.

Она умела замечать. Ему нравилось это почти болезненно: в чужих людях он ценил внимание, пока оно не обращалось на него самого.

– Я пытался понять, видели ли вы нижний лист с другой стороны, – ответил он.

Клер посмотрела на бумагу, потом перевернула ветку, которую держал Леру.

– Нет. Я опять решила, что знаю, какой он.

– Со мной такое тоже случается.

Именно это, вероятно, и не следовало говорить. Сходство между ними можно было объяснить привычкой к работе, общей книгой, простым человеческим любопытством. Но девушка каждый раз принимала его объяснение с такой готовностью, словно давно ждала позволения считать собственные мысли стоящими ответа.

Он помнил людей, рядом с которыми сам чувствовал себя так. Верне впервые посмотрел на его неудачный чертёж, когда Адриену было семнадцать, и не засмеялся. Несколько точных замечаний изменили тогда больше, чем длинные похвалы.

Теперь он не имел права злоупотреблять чужой доверчивостью только потому, что ему хотелось видеть её улыбку.

Огюст появился возле террасы, когда они ещё стояли у цветника.

Клер первой убрала рисунок.

– Леру, месье Рено спрашивал о людях на завтра, – сказал хозяин.

Садовник немедленно отошёл.

Адриен остался напротив девушки. Это длилось не больше мгновения, но он успел почувствовать себя человеком, которого внезапно застали на чужом месте.

– Клер, мать ждёт тебя.

– Да, папа.

Она ушла, не взглянув на Мореля.

Огюст дождался, пока дочь скроется в доме.

– Я надеюсь, вы не даёте ей повода мешать вам?

Слова были произнесены ровно.

Адриен ответил, что мадемуазель спрашивала о растении. Огюст кивнул.

– У неё много свободного времени. Работающие люди иногда принимают такой интерес слишком серьёзно.

Адриен почувствовал, как напряглись пальцы вокруг карандаша. Он заставил себя ослабить руку.

– Я понимаю, месье.

– Вот и прекрасно.

Хозяин заговорил о дорожке. Адриен выслушал, сделал запись, пообещал ещё раз показать разметку. Его голос не изменился, и это было единственное, чем он мог сейчас гордиться.

Домой он шёл пешком, хотя мадам Перрен советовала беречь обувь и пользоваться попутной телегой. Ему нужно было несколько миль, в течение которых никто не спросит, понимает ли он очевидное.

Разумеется, он понимал.

Он хотел, чтобы его имя стояло на законченной работе. Хотел приличного дома, надёжного дохода, возможности покупать книги, не сравнивая их стоимость с ценой угля. В этом не было ничего постыдного. Он не собирался жениться на богатой девушке, чтобы получить всё сразу.

До сегодняшнего дня ему даже не приходилось произносить такую мысль.

Теперь она возникала при каждом шаге, и от этого хотелось вымыть руки.

Вечером он написал Верне подробный отчёт о работах. Ни одного лишнего слова. Затем сел ответить матери и обнаружил, что не может рассказать о саде.

Перед сном Адриен ещё раз просмотрел записи.
На краю страницы он нашёл маленькую отметку: «Показать К. нижний лист».
Он долго смотрел на неё, потом аккуратно зачеркнул только первую букву.
Делу не помогло то, что остальные слова остались совершенно понятны.

Глава 5. Открытый проход

Отец не запрещал Клер гулять в саду.

Это обстоятельство занимало её с тех пор, как она заметила, что выбирает для прогулок совсем определённое время. Запретить было нечего: она шла по знакомым дорожкам, иногда несла книгу, иногда папку, возвращалась, когда следовало переодеться. Мать знала, где её искать.

Но прежняя свобода уже не казалась свободой. Теперь каждый выход нужно было объяснить самой себе.

В то утро объяснение нашлось легко. Ночью прошёл короткий дождь, а к десяти стало ясно. Клер хотелось посмотреть, удержалась ли вода на листьях ирисов. Недавно она поняла, что рисует каплю как круглую бусину, хотя настоящая держалась совсем иначе.

Леру разрешил проходить к старой стене по верхней дорожке. За натянутой верёвкой работали люди; туда не следовало заходить. Клер была вполне довольна таким порядком, потому что при рабочих чувствовала себя ненужной и слишком заметной.

Жанна спросила, не взять ли ей складной стул.

– Я ненадолго.

Горничная посмотрела на папку и понесла в дом собранные салфетки. Клер проводила её взглядом. Иногда ей хотелось разговаривать с Жанной свободнее, но она не знала, с чего начать, чтобы не поставить девушку в неловкое положение. К тому же у Жанны всегда было дело.

У старой стены пахло разогретой землёй.

Клер нашла нужный цветок, присела на каменный бортик и раскрыла папку. Рисунок занял больше времени, чем она ожидала. Она старалась увидеть, где начинается изгиб, а где глаз просто продолжает привычную линию. Из-за дома доносились удары, звякнуло железо. Потом чей-то голос попросил придержать тележку.

Когда Клер поднялась, край юбки зацепился за неровность камня. Она освободила его и увидела, что привычный проход к липам открыт.

На месте натянутой верёвки стояла гружённая камнями тележка. Двое рабочих катили её к стене; третий придерживал доску над неглубокой канавой. Клер подождала, пока они отойдут. Ей показалось, что за тележкой начинается старая дорожка. За прошлую неделю её столько раз меняли, что Клер уже не была уверена, где именно положены новые плиты.

Она услышала за спиной голос Леру, обернулась и сделала шаг назад.

Земля под каблуком сдвинулась.

В первое мгновение было только нелепое удивление. Клер успела подумать, что наступила на кучу рыхлой земли и сейчас удержится. Потом нога ушла ниже, папка ударилась о локоть, а край выемки исчез перед лицом.

Она упала боком, больно задев плечом стенку. Левой ногой попыталась встать на дно и вскрикнула.

Никто сразу не ответил.

Канава оказалась глубже, чем выглядела сверху. Над головой светлело небо, возле лица осыпалась сухая земля. Клер лежала, неловко подогнув одну ногу, и не могла решить, чего боится сильнее: боли или того, как её отсюда достанут.

– Здесь кто-нибудь есть? – позвала она.

Голос вышел жалким. Она ненавидела его за это.

Наверху показалось лицо Мореля.

– Не двигайтесь.

Он исчез, и Клер испугалась, что он ушёл за людьми и оставил её. Она услышала короткие распоряжения, скрип доски. Затем Адриен спустился по прислонённой к стенке лестнице.

Он не стал спрашивать, зачем она сюда пришла.

– Где болит?

– Нога. Я, кажется…

Она попробовала сесть. Боль прошла от лодыжки вверх, и в глазах потемнело.

Он опустился рядом на одно колено.

– Сейчас мы выберемся. Не пытайтесь опираться на неё.

Клер кивнула, хотя он смотрел не на лицо, а на положение её ноги. Он осторожно освободил зацепившуюся юбку и подложил сложенный пиджак под её локоть. Рубашка у него возле воротника потемнела от работы. Такая подробность почему-то успокоила её: он был здесь, совсем близко, и уже знал, что нужно делать.

Наверху Леру попросил прощения.

– Потом, – ответил Морель. – Пусть держат лестницу. И уберите тележку от края.

Клер зажмурилась. Теперь ей было стыдно перед всеми. Они работали, а она пришла смотреть капли на цветах и заставила бросить дело.

– Я думала, здесь можно пройти, – произнесла она.

Он поднял голову.

– Проход был открыт. Вы не могли видеть край за тележкой.

– Но верёвка…

– Её сняли, чтобы провезти камень. Сейчас это неважно.

Он говорил очень твёрдо. Клер захотелось поверить, что всё в самом деле можно отложить, пока он держит ладонь возле её спины и не позволяет ей снова соскользнуть.

Её подняли не сразу. Сначала Леру спустил широкую доску, потом помог выйти рабочему, который проверял лестницу. Морель объяснил, как Клер держаться за него. Ей пришлось обвить руками его шею.

– Простите, – сказала она почти неслышно.

Он ответил, что она ничего не делает ему больно.

Это не было ответом на её извинение. Или, возможно, было именно тем ответом, который она могла сейчас вынести.

Когда они оказались наверху, Клер увидела свою папку. Она лежала раскрытой возле отвала. По белой странице тянулся след ботинка. Морель заметил, куда она смотрит, и попросил одного из рабочих подобрать листы.

Она попыталась сказать, что может идти с чужой помощью. Адриен не стал сразу поднимать её на руки: помог проверить, можно ли хотя бы перенести вес. Нога не держала. Клер сама ухватилась за его рукав.

– Я понесу вас до дома, если позволите.

Она кивнула.

Прежде ей казалось, что в таком положении невозможно думать ни о чём, кроме смущения. Но сейчас она прежде всего старалась не задеть ногу. Держалась за его плечо, чувствовала под пальцами ткань жилета, слышала, как он дышит, поднимаясь по дорожке.

Ему было тяжело.

Она слишком поздно поняла это и захотела стать легче. Не знала, куда деть руку, которую прежде положила ему на шею. Адриен тихо попросил держаться крепче.

Клер послушалась.

На террасе стояла мать.

Она увидела их, быстро пошла навстречу и спросила что-то такое, на что Клер не смогла сразу ответить. За матерью появились Рено, горничная и отец.

Огюст остановился на верхней ступени. Лицо у него стало совершенно неподвижным.

– Что случилось?

Морель объяснил. Клер слышала собственное имя, слова «земляные работы», «открытый проход» и не могла заставить себя посмотреть на отца.

Её внесли в маленькую гостиную. Адриен опустил на диван так осторожно, что боль пришла лишь тогда, когда он убрал руку. Клер не ожидала, что отсутствие поддержки тоже может испугать.

– Нужно послать за врачом, – сказал он.

– Уже послали, – ответила мать. – Клер, посмотри на меня. Голова не болит?

– Нет, мама.

Отец попросил Мореля выйти с ним.

Клер успела увидеть, что у Адриена весь рукав измазан землёй. Пиджак остался возле канавы. Ей захотелось напомнить о нём, как будто возвращение пиджака могло исправить всё остальное.

Но мужчины уже вышли.

Доктор приехал после полудня. Сказал, что кость, по-видимому, цела, однако ноге нужен покой и осмотр придётся повторить. Синяк на плече оказался большим, ладонь была оцарапана. Жанна помогла переодеться. Когда она снимала испачканную юбку, из складки выпал комок земли.

Клер заплакала.

Ей было больно, но плакала она не только поэтому. Ещё утром жизнь состояла из вещей, в которых можно было ошибиться без большого вреда: кривой линии на листе, пятна на манжете, неудачного вопроса. Теперь перед ней стояло отцовское лицо.

Маргерит села рядом и позволила ей прижаться к себе.

– Всё обошлось.

Клер слышала эти слова уже несколько раз. Никто не говорил, что было бы, если бы не обошлось.

Вечером она спросила о месье Мореле.

– Отец поблагодарил его, – ответила мать.

– Он очень помог мне.

– Разумеется, дорогая.

– Я не сказала ему спасибо.

Маргерит поправила подушку.

– Успеешь. Сейчас нужно отдыхать.

Клер отвернулась к окну. Из него не было видно нижнего сада. Она попыталась вспомнить, что именно сказал Адриен, когда попросил обнять его за шею, и не смогла восстановить слов.

Зато помнила голос, тепло его рубашки и то странное доверие, с которым перестала сопротивляться необходимости быть слабой.

Ей хотелось, чтобы он пришёл.

Это желание уже не удавалось выдать за интерес к новому саду.

Глава 6. Четыре ириса

По дороге в Бельваль Адриен успел пожалеть о букете трижды.

Первый раз – когда цветочница обернула стебли слишком нарядной бумагой. Он попросил простую. Второй – когда мадам Перрен увидела цветы и сказала, что больным всегда приятно внимание. Он не объяснил, что девушка не столько больна, сколько лежит с повреждённой ногой. Третий раз – у самой калитки.

Он мог оставить цветы у входа.

Это было бы разумно. В записке достаточно написать, что надеется на скорое выздоровление. Подписаться, передать слуге, идти разбирать с Леру порядок работ.

Но он хотел увидеть её.

Вчера, уже в доме, Огюст задал ему несколько справедливых вопросов. Кто позволил открыть проход, почему край выемки не был виден, кто следит за безопасностью. Адриен объяснил случившееся без попытки переложить всё на Леру. Тот распоряжался ежедневной работой, но предложение о поочерёдном закрытии участков исходило от Мореля. Следовало заранее предусмотреть временное ограждение и на время провоза камней.

Огюст выслушал, сказал, что ждёт письменного объяснения, затем поблагодарил за помощь дочери.

Благодарность прозвучала холодно. Всё же она прозвучала.

Ночью Адриен почти не спал. Ему снилось, как земля сыплется ей на щёку и он не успевает спуститься. Потом он просыпался и видел, что держит одеяло обеими руками.

Утром цветы показались естественными.

Теперь, пока лакей шёл доложить о нём, Адриен мог назвать множество причин, по которым следовало отказаться от этой естественности. Он стоял с четырьмя светлыми ирисами и чувствовал себя неопытнее, чем во время первого разговора с Верне.

В маленькой гостиной Клер сидела у окна. Повреждённая нога лежала на низкой скамье под лёгким покрывалом. Увидев его, она сначала улыбнулась, потом словно вспомнила о необходимости держаться спокойнее.

– Месье Морель.

– Мадемуазель. Надеюсь, сегодня вам легче.

– Да. Благодарю вас.

Её мать поднялась ему навстречу.

Адриен передал цветы. Хотел обратиться к мадам Дюваль, но Клер уже протянула руку, и он невольно подал букет ей.

Девушка посмотрела на ирисы так внимательно, что он на мгновение перестал жалеть о своём решении.

– Они очень красивые.

– Я подумал, вам будет чем заняться, если доктор пока не разрешает ходить.

Это было слишком близко к признанию, что он помнит о её рисунках. Адриен услышал собственную попытку спрятаться за приличным объяснением и почувствовал неловкость.

Дверь открылась.

Огюст вошёл с Рено. Оба остановились. Управляющий сразу посмотрел на бумаги у себя в руке, словно надеялся успеть уйти, прежде чем его присутствие станет необходимым.

Дюваль подошёл к дивану.

– Цветы?

– Месье Морель любезно… – начала жена.

– Я вижу.

Клер держала букет обеими руками. Адриен подумал, что она сейчас непременно проткнёт бумагу пальцем.

Огюст обернулся к нему.

– Нам нужно поговорить.

– Разумеется.

Адриен сделал движение к двери, но хозяин остался на месте.

– Здесь вполне достаточно.

В комнате стало слышно, как на улице закрыли ставню.

– Вчера я поблагодарил вас за помощь моей дочери, – начал Огюст. – Сегодня мне приходится пожалеть о том, что вы неверно поняли мою благодарность.

Адриен несколько секунд не мог ответить.

– Я хотел узнать о её здоровье.

– Для этого достаточно осведомиться у слуг.

– Папа, я сама не успела…

– Клер.

Она замолчала.

Адриен увидел, как мать положила ладонь ей на запястье. Это было движение, которым удерживают человека от неловкой реплики за столом.

– Я не намеревался позволить себе ничего неуважительного, – произнёс он.

Огюст коротко усмехнулся.

– Намерения вообще трудно определить со стороны. Особенно когда человек начинает приезжать в дом ради вопросов, не относящихся к его работе.

– Сегодня у меня назначен осмотр с Леру.

– Но вы пришли не к Леру.

Ответить было нечего. Адриен в самом деле хотел увидеть Клер. Он не стыдился самого желания ещё несколько минут назад. Теперь оно лежало между ними как вещь, которую нужно немедленно спрятать.

Рено переступил с ноги на ногу.

– Вы, кажется, приняли мою благодарность за спасение дочери за разрешение ухаживать за ней? – спросил Огюст.

Клер подняла голову.

Адриен не посмотрел на неё. Если увидит в её лице жалость, не сумеет продолжать.

– Нет, месье.

– Тогда мне непонятен смысл этого подношения.

Он указал на цветы. Слово сделало их такими жалкими, что Адриену захотелось забрать букет и вынести самому.

– Дорогой, полно, – сказала Маргерит. – Молодой человек, вероятно, просто не понимает, как это выглядит.

Адриен медленно повернул к ней лицо.

Она смотрела сочувственно. Ему предлагали защиту, которой пользуются для ребёнка, не научившегося приличиям. Защиту следовало принять с благодарностью, и тогда всё могло закончиться почти мирно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.